

NEW DATA ON EARLY GREEK ECONOMY

by Yu. G. Vinogradov

The paucity of our sources on early Greek history lends special importance to a still insufficiently exploited category of written sources, the graffiti. The author examines two recently found ceramic inscriptions. The first, an imperfectly preserved graffito of the first half of the sixth century from Berezan, contains a list of sums realised from trade by a visiting Ionian merchant. In the inscription there are also indications of barter, which points to an early stage in the development of commodity-money relations. In the author's opinion information on corn prices may be deduced from this text. The second inscription, from the first half of the fifth century, comes from Phanagoria and represents an oracular question addressed to Hermes by a local merchant. In it there is direct reference to the price of grain (probably corn) and, like the first graffito, this one makes possible certain observations on the character of trade in this period. The author brings to bear on the problem all the known early data on grain prices. He subjects to critical analysis the testimonies of Plutarch (*Sol.* XXIII) and Pollux (VIII 130) and argues that they are of no real historical significance. Citing (for the first time in this connection) an Attic sacred-law inscription (*IG* I²842, first half of the fifth century), he states his belief that the corn price given in this inscription is an actual market price, which fits very well with the data contained in the two documents under review. This new information, presented in tabular form, is offered as a supplement to F. Heichelheim's compendium (*RE*, Suppl. VI, s. v. Sitos).

АРИСТОТЕЛЬ (АТН. РОЛ. 23, 5) И ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОГО АФИНСКОГО МОРСКОГО СОЮЗА

В последние десятилетия повышенный интерес у зарубежных ученых вызывают вопросы, связанные с афинским «империализмом», и в частности вопрос о превращении Делосской симмахии в афинскую архэ. Оживленные дискуссии вызывает характер этого процесса и время его окончательного завершения.

В 1925 г. А. Домашевский¹ писал, что характер и границы афинского морского союза окончательно сложились еще при Фемистокле. Мнение Домашевского было подвергнуто серьезной критике в рецензии Г. Берве² и не получило тогда признания в науке.

Г. Нессельхауф³ считал, что процесс образования афинской державы завершился с окончанием войны против Персии. По его мнению, после заключения Каллиева мира необходимость в союзе отпала и он продолжал свое существование только вследствие применения Афинами прямого насилия. Примерно такого же мнения придерживались В. Кольбе⁴ и издатели АТЛ⁵.

По мнению Шефера⁶, основные черты афинской архэ складываются в 60-е гг. V в. до н. э.

¹ A. D o m a s z e w s k i, Die attische Politik in der Zeit der Pentakontaetie, «Sitzungsber. der Heidelberger Akad. der Wiss.», Phil.-hist. Kl., 1924/5, Abhandl. 4, стр. 5 слл.

² H. B e r v e, «Philologische Wochenschrift», 46, 1926, стр. 856—860.

³ H. N e s s e l h a u f, Untersuchungen zur Geschichte der delisch-attischen Symmachie, «Klio», Beiheft 30, N. F., 17, 1933, стр. 76 слл.

⁴ W. K o l b e, Die Anfänge der attischen Arche, «Hermes», 73, 1938, стр. 267.

⁵ B. D. M e r i t t, H. T. W a d e - G e r y, M. F. M c. G r e g o r, The Athenian Tribute Lists, III, Princeton, 1950, стр. 264.

⁶ H. S c h a e f e r, Die attische Symmachie im zweiten Jahrzehnt ihres Bestehens, «Hermes», 71, 1936, стр. 190 слл.

В специальной работе, посвященной предыстории и возникновению Делосского морского союза, Х. Мейер⁷ выдвигает идеи, которые фактически снова возвращают нас к точке зрения Домашевского. Х. Мейер считает, что в образовавшемся в 478/7 г. до н. э. афинском морском союзе уже были налицо все основные черты подчинения союзников Афинам. В дальнейшем никаких существенных изменений в организации союза не происходит. Афины просто пользуются в каждом конкретном случае своим изначальным господствующим положением, в общем не нарушая основных принципов союза.

Таким образом, мы видим, что вопрос о характере и времени образования афинской архэ непосредственно связан с правильным пониманием первоначального устройства Делосской симмахии. В данной статье мы и попытаемся выяснить, насколько убедительна выдвинутая Х. Мейером точка зрения на характер организации афинского морского союза.

Основным и фактически единственным аргументом Х. Мейера в пользу своей теории организации Делосской симмахии является указанное в заглавии данной статьи место из «Афинской политики» Аристотеля. Описывая переход к Афинам гегемонии в эллинском союзе, Аристотель сообщает: Аристид «принес клятвы ионийцам в том, что у них должны быть общими враг и друг, и в знак этого они бросили в море куски металла»⁸. Это краткое и, казалось бы, носящее общий характер замечание Аристотеля может послужить основанием для трех конкретных и важных выводов.

1. По мнению Х. Мейера⁹, обмен клятвами между Аристидом и ионийцами молчаливо предполагает, что в 478/7 г. до н. э. Афины организовали новый союз.

2. Из того, что при обмене клятвами противопоставлены две стороны — Афины и союзники, следует вывод, что отдельные союзники не были связаны клятвами между собой, т. е. новый союз был организован по принципу Целопоппонесского союза, каждый участник которого был связан союзными обязательствами только со Спартой. Тем самым Афины уже с момента образования союза были поставлены в нем в господствующее положение, позволявшее им использовать союзные силы даже против самих членов союза¹⁰.

3. Употребление в клятвах Аристидом и ионийцев формулы $\tau\acute{o}\nu \alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu \epsilon\chi\theta\rho\acute{o}\nu \epsilon\dot{\iota}\nu\alpha\iota \kappa\alpha\iota \epsilon\dot{\iota}\lambda\omicron\nu$ предполагает, что афинский морской союз носил оборонительный и наступательный характер, что союзники могли правомерно использоваться Афинами против любого своего врага, в том числе и против других греческих государств, не бывших членами союза¹¹.

Отметим сразу, что рассматриваемое сообщение Аристотеля уже давно вызывало у ученых сомнение в своей подлинности. Еще Бузольт¹² признавал клятвы Аристидом и ионийцев историческими, так как считал формулу $\tau\acute{o}\nu \alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu \epsilon\chi\theta\rho\acute{o}\nu \epsilon\dot{\iota}\nu\alpha\iota \kappa\alpha\iota \epsilon\dot{\iota}\lambda\omicron\nu$ несовместимой с целью образования афинского морского союза и автономией его членов. Подобного же мнения придерживались Шефер¹³ и Хампль¹⁴.

Оставим пока в стороне фразеологию текста Аристотеля и перейдем к историческому анализу выводимых на основе его положений. Это тем более необходимо, что

⁷ H. D. Meyer, *Vorgeschichte und Begründung des delisch-attischen Seebundes*, «Historia», 12, 1963, стр. 405 слл.

⁸ Arist., *Ath. pol.* 23, 5: $\tau\acute{o}\upsilon\varsigma \epsilon\gamma\kappa\lambda\upsilon\sigma\epsilon\nu \acute{\alpha}\mu\iota\sigma\epsilon\nu \tau\acute{o}\iota\varsigma \text{Ἴωνιν ὥστε τὸν αὐτὸν ἐχθρὸν εἶναι καὶ εἶλον, ἐφ' οἷς καὶ τοὺς μὲν αὐτοὺς ἐν τῷ πελάγει καθέειπον}$. Здесь и далее русский текст греческих авторов дается по последним отечественным переводам.

⁹ Meyer, *ук. соч.*, стр. 437.

¹⁰ Там же.

¹¹ J. A. O Larsen, *The Constitution and Original Purpose of Delian League*, «Harvard Studies in Classical Philology», 51, 1940, стр. 187 слл.; P. A. Brunt, *The Hellenic League against Persia*, «Historia», 2, 1953, стр. 150 слл.; Meyer, *ук. соч.*, стр. 439.

¹² G. Busolt, *Griechische Geschichte*, III, 1, Gotha, 1897, стр. 72, прим. 2.

¹³ H. Schaefer, *Formen der äußeren Politik in der griechischen Geschichte des 6 und 5 Jahrhunderts*, Lpz, 1931, стр. 68 сл.

¹⁴ F. Hampl, *Die Griechische Staatsverträge des 4. Jahrhunderts*, Lpz, 1938, стр. 124 сл., прим. 2.

аргументация Бузолята и его сторонников тоже зависит от установления целевой направленности афинского морского союза.

Зимой 481 г. до н. э., когда Ксеркс завершил подготовку к вторжению в Грецию, «эллины лучшего образа мыслей об Элладе», как сообщает Геродот (VII, 145, 1), собрались вместе и обменялись клятвами в верности. Так возник эллинский союз для борьбы с персидским нашествием. Гегемоном союза была избрана Спарта. Именно ей собравшиеся эллины поручили командование союзными силами на море и на суше¹⁵.

Предоставление Спарте гегемонии на море и на суше не обошлось без дебатов. Рассказывая о составе эллинского флота, направлявшегося к Артемисию, Геродот делает отступление, в котором сообщает о разногласиях, возникших между союзниками в 481 г. до н. э.: «Дело в том, что уже вначале, до отправки в Сицилию послов с просьбой о помощи, была речь о том, что командование флотом следует поручить афинянам». Причина разногласий между союзниками состояла, таким образом, в требовании предоставить афинянам командование на море. Об исходе этих споров Геродот пишет: «Так как союзники восстали против этого, то афиняне уступили». Сообщая о причинах уступки Афин, Геродот указывает на тяжелые последствия, к которым могло привести дальнейшее сопротивление афинян: «афиняне уступили — зная, что Эллада погибнет, если эллины станут спорить между собой из-за гегемонии». Кроме того, он подчеркивает, что тогда афиняне имели сильную нужду в союзниках¹⁶. Суммарное сообщение Геродота о дебатах 481 г. до н. э. не оставляет никаких сомнений в том, что требование о предоставлении гегемонии на море Афинам исходило от самих афинян¹⁷. Из этого сообщения видно также, что афиняне были одиноки в своих притязаниях и встретили дружный отпор со стороны остальных союзников.

Попытка афинян в 481 г. до н. э. получить морскую гегемонию в эллинском союзе оказалась не единственной в его истории. Перед битвой при Артемисии афиняне снова выступили с претензией на командование флотом. И на этот раз притязания афинян встретили отпор со стороны всей массы союзников. Как сообщает Геродот (VIII, 2, 2), «союзники объявили, что они не последуют за афинскими вождями и распускают войско, какое соберется, если только главнокомандующим будет не лакедемонянин». Такая крайняя угроза союзников говорит о бурных дебатах между греками и о настойчивости афинян в их притязаниях на морскую гегемонию. Показания Геродота поддерживает Плутарх (Them. 7, 3), сообщающий, что афиняне указывали, что больше половины союзного флота составляют их суда и что они не намерены сражаться под началом чужого командира. Однако и в 480 г. до н. э. афинянам пришлось уступить. Роспуск союзных войск был слишком большой ценой за право командования флотом.

Таким образом, данные источников показывают, что даже в период наивысшей угрозы персидского ига афиняне упорно добивались предоставления им морской геге-

¹⁵ Herod., VIII, 2, 2 и 3, 1.

¹⁶ Herod., VIII, 3, 2: ἀλλ' εἶχον μέγρι ὅσον κάρτα ἐδέοντο αὐτῶν. М. Поленц (M. Pohlenz, Herodot der erste Geschichtsschreiber des Abendlands, Lpz — B., 1937, стр. 94 сл.) переводил данную фразу следующим образом: «...но уступили до того времени, когда союзники почувствовали сильную нужду в них». Таким образом, виновником смены гегемона в эллинском союзе Поленц пытался представить не сами Афины, а остальных союзников. Желание Поленца понятно, учитывая, что он считал Геродота ревностным сторонником активной внешней политики Афин. Однако такой перевод не может быть принят уже потому, что тогда происходит неожиданная смена действующих лиц при глаголах ἐδέοντο и διέδεξαν. См. E. N. Tigerstedt, The Legend of Sparta in Classical Antiquity, I, Stockholm, 1965, стр. 393, прим. 660.

¹⁷ Издатели ATL (III, стр. 184) указывали, что предложение о предоставлении афинянам гегемонии на море было выдвинуто островными греками. Это утверждение основывалось на неправильной трактовке ими второй группы греческих государств, перечисленных на треножнике, посвященном союзниками в Дельфы после битвы при Платеях. Данную группу государств издатели ATL рассматривали как «Афины и союзные им государства». Это мнение не может быть принято нами. Так, Мелос, находящийся во второй группе, не был в союзе с Афинами даже в период наибольшего могущества афинского морского союза, а Наксос и Тенос до битвы при Саламине находились под властью персов. См. В г и т, ук. соч., стр. 148.

монии в эллинском союзе. Но в 481—480 гг. до н. э. все попытки афинян были обречены на неудачу, так как главную массу членов эллинского союза составляли пелопоннесские государства, поддерживавшие Спарту. В последующие два года положение дел в эллинском союзе меняется в пользу Афин.

В августе 479 г. до н. э. союзные греческие силы под командованием спартанского царя Леотихида в битве при Микале нанесли крупное поражение персам на суше и на море¹⁸. После этой битвы союзный флот отошел к Самосу. Здесь на собрании членов союза и примкнувших к ним представителей других греческих полисов состоялось обсуждение вопроса о дальнейшей судьбе Ионии. Геродот (IX, 106, 3) указывает, что пелопоннесцы предлагали выселить из торговых городов греков, действовавших во время вторжения персов заодно с ними, а на их земли переселить ионийцев. Этому предложению воспротивились афиняне, заявившие, что они гарантируют ионийцам защиту от персов даже в случае отказа всех остальных союзников. Под давлением афинян в союз были приняты «самосцы, лесбосцы, хиосцы и другие островитяне, находившиеся в лагере вместе с эллинами»¹⁹. Тем самым они были взяты под защиту эллинского союза.

Диодор (XI, 37, 1), рассказывая о конференции на Самосе, сообщает, что в союз были приняты «ионийцы и эолийцы». Говорить о принятии в союз эолийских материковых полисов на основе этого указания вряд ли приходится. По-видимому, Диодор отражает в данном случае патриотизм своего источника — Эфора, происходившего родом из эолийских Кум²⁰. Впрочем, он имел некоторое основание для такого утверждения, так как эолийский Лесбос был действительно принят в союз на самосской конференции.

После принятия в союз новых членов греческий флот двинулся к Абидосу, чтобы разрушить переправу через Геллеспонт. Убедившись, что мосты через пролив уже разрушены, Леотихид и пелопоннесцы отплыли домой. Афиняне же под командой Ксантиппа переправились через пролив и начали осаду Сеста²¹. Диодор (XI, 37, 5) сообщает, что афинянам при этом помогали «ионийцы и островитяне». В рассказе Фукидида греческие силы описаны как «афиняне и союзники из Ионии и Геллеспонта, только что отпавшие от царя»²². Показания обоих источников не совпадают со сведениями Геродота о составе новых членов союза, принятых на самосской конференции. Из Диодора, явно противопоставляющего ионийцев островитянам, следует, что среди греков, осаждавших Сест, были материковые ионийцы. Фукидид присоединяет сюда же геллеспонтийских греков. Возникает вопрос: были ли действительно приняты в эллинский союз греческие полисы данных областей?

Виламовиц-Меллендорф²³ считал слово *ξύμμαχοι* в данной фразе Фукидида интерполяцией. Однако его мнение было убедительно опровергнуто уже Штойном²⁴.

¹⁸ О хронологии персидских войн см. Ch. H i g n e t t, *Xerxes Invasion of Greece*, Oxf., 1963, стр. 448 слл.

¹⁹ H e r o d., IX, 106,4: *ὅτω δὲ Σαμίους τε καὶ Χίους καὶ Λεσβίους καὶ τοὺς ἄλλους νησιώτας, οἱ ἐτυχὸν συστρατεύμενοι τοῖσι Ἑλλήσι, ἐς τὸ συμμαχικὸν ἐποιήσαντο*. В этой фразе выражение *οἱ ἐτυχὸν συστρατεύμενοι τοῖσι Ἑλλήσι* обычно переводят как «участвовавшие в походах вместе с эллинами». Однако из трех названных поименно островов разве только Самос мог претендовать на это, так как самосцы, бывшие в лагере персов, перешли в битве при Микале на сторону союзников. Перевод всей этой фразы у Ф. Г. Мищенко: «При таких условиях афиняне приобщили к своему союзу самиян...» — вообще неправилен и может привести к превратному толкованию многих событий.

²⁰ A. Kirchhof, *Der delische Bund im ersten Decennium seines Bestehens*, «Hermes», 11, 1876, стр. 5.

²¹ H e r o d., IX, 106,4; IX, 114.

²² T h u c., I, 89,2: *οἱ δὲ Ἀθηναῖοι καὶ οἱ ἀπὸ Ἰωνίας καὶ Ἑλλησπόντου ξύμμαχοι ἦδε ἀφεσχηκότες ἀπὸ βρασιλείας*.

²³ U. Wilamowitz-Möllerndorff, *Die Thukydideslegende*, «Hermes», 12, 1877, стр. 338, прим. 21.

²⁴ T h u k y d i d e s, I, ed. J. Klassen und J. Steup. B., 1897, стр. 209, прим. 8, стр. 382.

Более правдоподобно звучит объяснение, выдвинутое Кирхгофом²⁵. Он считал, что слово «союзники» в данном случае нужно понимать в широком смысле, т. е. как обозначение участников общего похода. Но и такая интерпретация вряд ли возможна ввиду прямого сопоставления у Фукидида в одном предложении двух выражений — «союзники из Пелопоннеса» (τοὺς ἐπὶ Πελοποννήσου ξυμμάχους) и «союзники из Ионии и Геллеспонта» (οἱ ἐπὶ Ἰωνίας καὶ Ἑλλησπόντου ξυμμάχου). Так как первые были официальными членами эллинского союза, то во вторых тоже нужно видеть таковых. Если бы Фукидид имел в виду временное объединение греков против общего врага, он мог бы употребить выражение типа οἱ ἔτιυχον συστρατεύμενοι, как это делает Геродот, говоря об островных полисах, представители которых собрались на Самосе, до официального принятия их в союз²⁶. Поэтому мы предпочитаем понимать наш источник в прямом смысле и считаем, что греческие города названных Диодором и Фукидидом областей были действительно приняты в эллинский союз. Но произошло это уже после собрания на Самосе. Конференция на Самосе последовала сразу же за битвой при Микале, после которой только и началось отпадение Ионии от персов, как указывает Геродот (IX, 104). Вполне естественно, что многие полисы не успели прислать на Самос своих представителей. К тому же большая часть из них еще находилась под властью персов. Именно этим можно объяснить тот факт, что, оставив идею о переселении ионийцев и тем самым решив защищать их от персов, союзники приняли в свои ряды только островные полисы. По мере продвижения флота и освобождения новых городов их принимали в эллинский союз. Интересно в связи с этим отметить сообщение Плутарха об изгнании спартиадами милетского тирана Аристогена, бывшего, очевидно, ставленником персов²⁷. По прибытии же флота в пролив от персов отпали и были приняты в союз геллеспонтекские города. Недаром Фукидид в указанном месте говорит об этих союзниках, что они только что отпали от царя.

Принятие в эллинский союз большого числа островных и малоазийских полисов коренным образом изменило в нем ситуацию в пользу Афин. Эти полисы еще до персидских войн были более тесно связаны с Афинами, чем со Спартой, как в экономическом, так и в политическом отношении. Вспомним хотя бы помощь афинян восставшим ионийцам в 498 г. до н. э. Самосская конференция союзников показала, что подчиненные персам греки могут твердо рассчитывать в борьбе за свое освобождение прежде всего на помощь Афин. И первым актом в этом направлении была совместная осада Сеста силами афинян, а также геллеспонтекских и ионийских греков. Естественно, что в продолжавшемся между Афинами и Спартой соперничестве из-за морской гегемонии в эллинском союзе новые союзники должны были встать на сторону Афин и обеспечить им решающее превосходство сил. Так оно и случилось. Осенью 478 г. до н. э. афиняне, как указывает Геродот (VIII, 3, 2), использовав как предлог высокомерное и грубое поведение спартанского регента Павсания, командовавшего союзным флотом, отняли у лакедемонян гегемонию. Фукидид (I, 96, 1) указывает при этом даже, что союзники сами предложили афинянам гегемонию. А Плутарх (Arist. 23, 5) называет главных инициаторов этого предложения — хиосцев, самосцев и лесбосцев, т. е. представителей крупных островных общин, принятых в союз на самосской конференции.

В исторической литературе переход к Афинам гегемонии в эллинском союзе обычно рассматривается как факт образования новой организации — первого афинского мор-

²⁵ Kirchhof, ук. соч., стр. 9; его мнения придерживался Бузольт (Buzolt, ук. соч., стр. 40, прим. 1).

²⁶ На возможность такого словоупотребления указал Хайби (L. H. Highby, The Erythrae Decree, «Klio», Beiheft 36, N. F. 23, 1936, стр. 42). Сам он считал, что Афины заключили с полисами данных областей отдельный союз. Однако такой поступок афинян был бы явным нарушением основ эллинского союза, а Афины в то время еще не решались открыто порвать со Спартой. Отметим, впрочем, что мнение Хайби не ново. Такого же взгляда придерживался еще Лео (F. Leo, Ueber die Entstehung des delisch-attischen Bundes, «Verhandlungen der 32-ten Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Wiesbaden», Lpz, 1878, стр. 60 сл.).

²⁷ Plut., De malign. Herodoti, 21, 2.

ского союза²⁸. На наш взгляд, это мнение малооправдано. Ни в одном из источников мы не найдем прямого указания об образовании нового союза. Описывая события 478/7 г. до н. э., античные авторы говорят лишь о захвате Афинами морской гегемонии в эллинском союзе.

Геродот (VIII, 3, 2): «афиняне..., использовав как предлог высокомерие Павсания, лишили лакедемонян гегемонии».

Фукидид (I, 96, 4): «афиняне, получивши таким образом гегемонию по желанию союзников...».

Аристотель (Ath. pol. 23, 2) об афинянах: «Им удалось в это время... добиться гегемонии на море вопреки желанию лакедемонян».

Диодор (XI, 46, 4) о Павсании: «...по стал виновным перед гражданами в потере гегемонии на море».

Плутарх (Arist. 23,7): «Лакедемоняне... добровольно отказались от гегемонии...».

Становясь на точку зрения наших источников, приходится признать, что первый афинский морской союз был не новым образованием, а результатом смены гегемонов в прежнем эллинском союзе, основанном в 481 г. до н. э. для борьбы с персами.

Рассмотрение источников показывает также, что Афины добились в 478/7 г. до н. э. лишь перехода к ним гегемонии на море. В руках Спарты по-прежнему оставалась еще в рамках эллинского союза гегемония на суше. Действительно, из рассказа Диодора (XI, 50, 4) мы узнаем, что спартанцы, требовавшие объявления новой войны Афинам после захвата ими гегемонии, приводили для обоснования своего требования древний оракул об «охроении власти». Этот оракул они толковали в данном случае в том смысле, что Спарта, бывшая в эллинском союзе гегемоном на море и на суше, лишилась морской гегемонии. Значит, сухопутная гегемония мыслилась ими как принадлежащая Спарте. Однако гегемония на суше после Платейской битвы уже не играла никакой роли. С переходом войны против персов на море фактическим гегемоном союза становился тот, кто командовал флотом.

Таким образом, с 478/7 г. до н. э. эллинский союз продолжал свое существование уже под главенством Афин. Спарта и ее пелопоннесские союзники отходят от участия в военных действиях, хотя по-прежнему формально остаются членами эллинского союза по крайней мере вплоть до 462 г. до н. э. В 462 г. до н. э., когда спартанцы не смогли взять Ифому, они «наряду с другими союзниками», как сообщает Фукидид, призвали на помощь афинян²⁹. О каком союзе Афин и Спарты говорит в данном случае Фукидид, мы узнаем из его рассказа о разрыве союзных отношений между ними³⁰. Это был союз, заключенный ими против персов, т. е. Спарта апеллировала в данном случае к их общему членству в эллинском союзе. После неудачного похода Кимона под Ифому Афины разорвали союзные отношения со Спартой и заключили союз с Аргосом. Разрыв отношений между Афинами и Пелопоннесским союзом, по-видимому, и должен рассматриваться de jure как факт образования Афинами своего особого союза.

С нашей точки зрения, рассмотренные материалы довольно убедительно показывают, что сделанный Х. Мейером на основе рассматриваемого места «Афинской политики» вывод о юридическом оформлении в 478/7 г. до н. э. нового союза не соответствует показаниям источников. С 478 по 462 гг. до н. э. афинский морской союз представлял собой прежний эллинский союз, в котором гегемоном на море вместо Спарты стали Афины. Этот вывод позволяет предположить, что организационные основы его остава-

²⁸ H i g h b y, ук. соч., стр. 76 слл.; M e y e r, ук. соч., стр. 436 сл.; Ларсен (ук. соч., стр. 184), придерживаясь этого мнения, считает, однако, «новый союз» прос-
тым орудием эллинского союза для ведения войны на море; «союзом в союзе» называл
первый афинский морской союз Э. Мейер (Geschichte des Alterthums, Bd. IV, Abt. 1,
Stuttgart, 1939, стр. 458); события 478/7 г. до н. э. как смену гегемонов в эллинском
союзе рассматривали Шефер (ук. соч., стр. 67 сл.) и В. Мартен (V. M a r t i n, La
vie internationale dans les cités de la Grèce, P., 1940, стр. 151).

²⁹ T h u c., I, 102, 1: ἄλλους τε ἐπικαλέσαντο ξυμμαχούς καὶ Ἀθηναίους.

³⁰ T h u c., I, 102, 4: ἀφέντες τὴν γυνόμενην ἐπὶ τῷ Μήδῳ συμμαχίαν.

лись теми же, какими они были в эллинском союзе во время гегемонии Спарты. Сравним то немногое, что нам известно в этом плане об эллинском союзе до и после 478 г. до н. э., начиная с вопроса о названии эллинского союза.

Издатели ATL (III, стр. 97) считали, что он назывался, как и Пелопоннесский союз, «лакедемоняне и их союзники». При обосновании своего мнения эти ученые исходили из двух мест Геродота. В первом из них у Геродота (VII, 157, 1), следуя чтению четырех рукописей (A, B, C, P), послы эллинского союза обращаются к Гелону следующим образом: «Лакедемоняне и их союзники послали нас...». Однако другая группа рукописей, текст которых в этом месте предпочитается многими издателями, дает следующее чтение: «Лакедемоняне, афиняне и их союзники послали нас...»³¹. Но даже если признать правильным чтение первой группы рукописей, мнение издателей ATL нельзя считать обоснованным. Главой посольства был спартаец Сиагр³², и именно он обращался с речью к Гелону. С его же точки зрения, обозначение союза эллинов как «лакедемоняне и их союзники» вполне естественно, но говорить об официальном наименовании эллинского союза на этом основании, конечно, не приходится. Во втором отрывке Геродота (VIII, 142, 4) речь идет вообще от имени одних спартанских послов. Призывая афинян не переходить на сторону Ксеркса и не оставлять дело свободы, спартанский посол заявляет: «За это лакедемоняне и их союзники объявляют вам, что будут содержать ваших женщин и неспособных к войне во все продолжение борьбы». Совершенно ясно, что фраза «лакедемоняне и их союзники» в данном случае относится к членам Пелопоннесского союза, которые фактически и были единственными из членов эллинского союза, способными предложить убежище афинянам.

Более приемлемым нам представляется мнение Ларсена³³, считавшего, что эллинский союз назывался $\eta \sigma\upsilon\mu\mu\alpha\chi\iota\alpha \tau\omega\upsilon \epsilon\lambda\lambda\eta\gamma\gamma\omega\upsilon$.

В источниках эллинский союз обозначается различно. У Геродота он выступает как «эллины, предпринявшие войну против варваров» (VII, 132, 2), «эллины лучшего образа мыслей об Элладе» (VII, 145; 172, 1). Часто же он именуется в источниках просто как «эллины»³⁴. Единственным официальным документом, изданным от лица союзников и дошедшим до нашего времени, является надпись на треножнике, посвященном в Дельфы после победы греков при Платеях. Прескрипт этой надписи, представляющей простой список борцов против персов, гласит: «Следующие вели войну»³⁵. Следовательно, в деле выяснения официального наименования эллинского союза эта надпись нам не может ничем помочь. Пока на основании имеющихся источников можно только сказать, что если союз греков против персов действительно имел специальное название, то скорее всего его называли «союз эллинов» или просто «эллины». В правильности этого мнения нас убеждает в особенности фразеология уже рассмотренного сообщения Геродота (IX, 106, 4) о принятии в союз новых членов на самосской конференции. Противопоставление в его рассказе самосцев, хиосцев, лесбосцев и других греков, не бывших членами эллинского союза, $\tau\omicron\iota\varsigma \epsilon\lambda\lambda\eta\gamma\gamma\iota$ показывает, что слово «эллины» выступает здесь не в качестве этнического показателя, а в роли обозначения принадлежности к эллинскому союзу.

Высшим органом эллинского союза был синедрион, состоявший из представителей всех союзных полисов. Делегаты, посылаемые от греческих государств для участия в заседаниях синедриона, назывались пробулы (Herod., VII, 172, 1). Именно на заседаниях пробулов был оформлен сам эллинский союз и приняты все мероприятия, проведенные греками в 481 г. до н. э. (Herod., VII, 145—146). В 480 г. до н. э. на второй сессии синедриона решается вопрос о посылке войск к Темпейскому проходу (Herod., VII, 172—173). После возвращения этого войска, по-видимому, те же самые синедры, за-

³¹ Рукописи S и V. См. B r u n t, ук. соч., стр. 145—146. Сам Брант считает, что эллинский союз не имел официального названия.

³² Herod., VII, 153, 1.

³³ Larsen, ук. соч., стр. 177.

³⁴ Herod., VII, 172, 2; 173, 1, 4; 175, 1; Thuc., I, 18, 2; 132, 2.

³⁵ Syll. I³, 31: $[\tau]\omicron[\iota \delta\epsilon \tau\omicron\nu] \pi\acute{o}\lambda\epsilon\mu\omicron\nu [\epsilon] [\pi\omicron\lambda [\epsilon] \mu\omicron\nu$.

седавшие на Истме, направляют сухопутные войска к Фермопилам, а флот к мысу Артемисий ³⁶.

На заседании синедриона выбирался также гегемон союза ³⁷. Гегемон союза, а им на море и на суше вплоть до осени 478 г. до н. э. была Спарта, командовал военными силами союзников. Он, очевидно, также председательствовал на заседаниях синедриона. Имел ли гегемон еще какие-либо права и обязанности, мы не знаем. Впрочем, и во время военных действий власть гегемона была далеко не безгранична. В этом отношении весьма показателен эпизод, о котором сообщают Геродот и Плутарх ³⁸. Перед битвой при Платеях союзники должны были перейти в новый лагерь. Однако спартаец Амомфарет заявил, что он не намерен отступать. Тогда к нему подошел спартанский регент Павсаний и сказал, что он выполняет постановление, за которое греки голосовали на совете. Этот эпизод свидетельствует, что власть гегемона ограничивалась решениями совета, в который, очевидно, входили начальники отдельных греческих отрядов.

Войны между членами союза были запрещены. В частности, конгресс 481 г. до н. э. прекратил враждебные действия Афин и Эгины ³⁹.

Цель и причины возникновения эллинского союза ни у кого не вызывают сомнения. Он был вызван к жизни персидским нашествием и образован для борьбы с персами. Об этом ясно говорят наши источники. Геродот называет союзников «эллины, заключившие между собою союз против персидского царя» (VII, 148, 1), «эллины, которые решились на войну с варваром» (VII, 132, 2). Фукидид (I, 102, 4), рассказывая о взаимных отношениях Афин и Спарты в 462 г. до н. э. сообщает, что афиняне «разорвали заключенный против персов союз» с лакедемонянами.

Ближайшей целью союза было отражение нашествия Ксеркса. С изгнанием персидских войск с территории Греции союзники, однако, не считали, что их роль сыграна. После победы при Платеях был проведен ряд мероприятий для закрепления союза, как об этом свидетельствует сообщение Плутарха о псефисме Аристиды ⁴⁰. Приняв на самосской конференции в свои ряды островные государства, а затем и ряд материковых полисов, союзники фактически обязались продолжать войну за освобождение греческих городов из-под власти Персии. Действительно, в 478 г. до н. э. они продолжали военные действия. В таком случае возникает законный вопрос: когда же должен был кончиться срок действия союза? Большинство ученых так или иначе признает, что союз эллинов против персов имел постоянный характер. О постоянном характере союза говорит уже клятва, даваемая греками при вступлении в союз. Они клянутся «оставаться в союзе и не отпадать», при этом срок действия клятвы не указывается ⁴¹. Решения, принятые союзниками в Платеях (учреждение собственного праздника — Элевтерий, постоянного союзного органа — съезда пробулов и теоров и содержание в постоянной боевой готовности армии и флота для борьбы с персами), вообще не оставляют сомнений по поводу постоянного характера эллинского союза.

Ларсен ⁴² объяснял постоянный характер эллинского союза влиянием организа-

³⁶ Рассказ Геродота (VII, 175) дает повод думать, что это решение было принято на совете, состоявшем из командиров союзных отрядов. Но более вероятно, что данное решение, имевшее важное политическое и военное значение, было принято в синедрионе пробулов. См. Hignett, ук. соч., стр. 113 сл.

³⁷ Herod., VIII, 2, 2 и 3, 1.

³⁸ Herod., IX, 53; Plut., Arist. 17, 1—4.

³⁹ Herod., VII, 145, 1.

⁴⁰ Plut., Arist. 21, 1—2. Издатели ATL (III, стр. 101 сл.) отвергают достоверность псефисмы Аристиды, исходя из фразеологии текста Плутарха. Однако сами же они приводят многочисленные свидетельства других источников, подтверждающие сообщение Плутарха. Любопытные материалы в защиту псефисмы Аристиды приведены А. Раубичеком (A. E. Raubitschek, The Covenant of Plataea, «Transaction and Proceedings of the American Philological Association», 91, 1960, стр. 178—183). Достоверность псефисмы признают также Ларсен (ук. соч., стр. 176 сл.) и Х. Мейер (ук. соч., стр. 411 сл.).

⁴¹ Herod., IX, 106, 4: ἐμμένειν καὶ μὴ ἀπεστυχεῖσθαι.

⁴² Larsen, ук. соч., стр. 178.

ции Пелопоннесского союза, Ф. Вюст⁴³ — влиянием Дельфийской амфикипии. В какой-то степени оба эти постоянные объединения могли оказать влияние на форму организации эллинского союза. Однако в немалой мере, по-видимому, постоянный характер этого союза вытекал из реальной оценки греками своих сил. Они понимали, что могут нанести персидскому царю ряд поражений, освободить захваченные им эллинские города, но сокрушить персидское государство и тем самым избавиться от угрозы нового нашествия было для них невозможным. Поэтому греки должны были всегда находиться в полной готовности продолжить войну с персами⁴⁴.

Последний вопрос, на котором мы бы хотели сейчас остановиться в связи с организацией эллинского союза, — это вопрос о взносах союзниками денег на военные расходы. В биографии Аристиды (24,1) Плутарх сообщает, что «еще находясь под руководством спартанцев, эллины делали определенные взносы на военные нужды». По нашему мнению, это указание Плутарха нельзя отвергать столь безоговорочно, как это делает Брант (ук. соч., стр. 138). В указанной главе Плутарх, исходя из неизвестного нам источника, приводит надежные и более подробные, чем у Фукидида (I,96), сведения о системе раскладки форося и его последующих изменениях⁴⁵. Нужно думать, что замечание о взносах до установления форося заимствовано Аристидом из того же надежного источника. Издатели ATL (III, стр. 185) считают, что Плутарх имел в виду денежные сборы с островных государств, произведенные союзниками после битвы при Саламине, о которых сообщает Геродот (VIII, 111—112).

У Геродота действия союзников представлены как следствие корыстолюбия Фемистокла, стремившегося к обогащению⁴⁶. И он не скупится на обвинения Фемистокла во взяточничестве и тайных сборах денег. Рассказ Геродота был хорошо известен Плутарху, и он использует его с прямой ссылкой на автора в биографии Фемистокла (21,1), указывая, что тот объезжал острова и наживался за их счет. Трудно думать, что, сообщая в биографии Аристиды о взносах эллинов на военные расходы, Плутарх имел в виду те же самые действия Фемистокла. Но как бы то ни было, взимание форося в афинском морском союзе не было беспрецедентным явлением. Зародыш его возник до 478 г. до н. э.

Перейдем теперь к рассмотрению материалов по организации и конституции союза после перехода в нем гегемонии к Афинам. Мы уже видели, что эллинский союз во время гегемонии в нем Спарты фигурирует в источниках под именем «эллины» (*οἱ Ἕλληνες*). Точно так же называют источники союз, возглавляемый Афинами. Плутарх, сообщая о переносе казны афинского морского союза с Делоса в Афины, указывает, что Перикл перенес к себе «общую казну эллинов»⁴⁷. О наименовании афинского морского союза мы узнаем также из речи митиленских послов в Олимпии. В этой речи вышедшие из союза митиленцы заявляли, что они совершили двойное отпадение: «от афинян и от эллинов». При этом второе отпадение, по их заявлению, они совершили не для того, чтобы навредить «эллинам», а чтобы содействовать их освобождению (Thuc., III, 13,1). Совершенно ясно, что под «эллинами» в данном случае нужно понимать членов афинского морского союза, поработанных Афинами. Но наиболее ярко, пожалуй, о названии афинского морского союза говорит обозначение его казначеев *ἑλληνοταμίαι* «казначей эллинов» (Thuc., I, 96,2).

Войны между членами афинского морского союза были запрещены. Об этом мы узнаем из речи Гермократа в Камарине, где содержится указание о том, что Афины подчиняли себе союзников под предлогом их враждебных отношений друг к другу (Thuc.,

⁴³ F. R. Wüst, Amphiktyonie, Eidgenossenschaft, Symmachie, «Historia», 3, 1954, стр. 145.

⁴⁴ Bunt, ук. соч., стр. 149.

⁴⁵ Надежность сведений Плутарха о раскладке форося не вызывает сомнения у специалистов. См., например, H. Schaefer, Beiträge zur Geschichte der attischen Symmachie, «Hermes», 74, 1939, стр. 225 слл.

⁴⁶ Критический разбор этих сведений Геродота см. H. Barth, Das Verhalten des Themistokles gegenüber Geld, «Klio», 43—45, 1965, стр. 30—37.

⁴⁷ Plut., Pericl. 12, 1: τὴν κοινὴν τῶν Ἑλλήνων χρῆματᾶ.

VI, 76, 3). Действительно, в 440 г. до н. э., когда начались враждебные действия между Самосом и Милетом, афиняне потребовали от них прекращения военных столкновений и передачи дела на решение третейского суда в Афинах. Отказ Самоса подчиниться этому требованию повлек за собой военное вмешательство Афин, которое закончилось полным подчинением Самоса ⁴⁸.

Афинский морской союз имел постоянный характер. Формула ἐμμένειν καὶ μὴ ἀποστήσειν без указания срока действия, уже отмеченная нами в клятве членов эллинского союза, встречается в сокращенном виде в афинском декрете об Эрифрах.

Этот город, так же как в 479 г. до н. э. давали клятву не отпадать от эллинского союза ионийцы, клянется не отпадать от Афин и их союзников ⁴⁹. Даже в то время, когда Делосская симмахия превратилась в афинскую архэ, немногие свободные союзники в случае отпадения от Афин боялись обвинения в измене, как это видно из речи митилений в Олимпии (Thuc., III, 9—14).

Описывая конституцию афинского морского союза, Фукидид (I, 96,4) отмечает, что его члены были вначале автономны. Действительно, Афины долгое время не вмешивались во внутреннюю политику союзных им полисов. В некоторых из них даже существовали олигархические правительства. Так, на Самосе демократическое правление было установлено только в 440 г. до н. э., а в Митиле — в 427 г. до н. э. При этом оба переворота были следствием подавления возглавленных олигархами восстаний против власти Афин. Некоторое время олигархии господствовали также в Милете ⁵⁰. Наконец, в союзных государствах у власти могли стоять и династы ⁵¹.

Внешнеполитическая деятельность союза определялась на общих собраниях его членов, которые происходили в святилище на Делосе (Thuc., I, 96,2; 97,1). Все члены союза формально были равноправны и имели по одному голосу в собрании. О системе голосования в союзных собраниях мы узнаем все из той же речи митилений в Олимпии. В этой речи они заявляли, что пользовались равными с Афинами правами при голосовании, были ἰσοψηφοῖ (Thuc., III, 11,3). На основе этого заявления митилений можно было бы сделать один из следующих выводов:

1. Все члены афинского морского союза были равноправны и имели по одному голосу в общих собраниях.

2. Равноправие Митилеи с Афинами определялось примерно одинаковой военной мощью этих полисов; менее же значительные государства при голосовании пользовались меньшим числом голосов, пропорциональным их поставкам судов или денег.

Однако второй вывод исключается предыдущим заявлением митилений о том, что «за множеством голосов» (δὲ καὶ πολλοψηφίαν) союзники не могли прийти к единогласному решению, чтобы оказать афинянам сопротивление, и это содействовало порабощению всех союзников, кроме них и хисоцев (Thuc., III, 10,5).

Данное указание митилений может быть понято лишь в том смысле, что оппозиционные выступления крупных государств союза сводились при голосовании на нет голосами меньших полисов, находившихся в зависимости от Афин и имевших одинаковые права с большими полисами ⁵².

Нам уже известно, что еще при гегемонии Спарты союзники платили какие-то взносы на военные нужды. После перехода гегемонии к Афинам система денежных поставок получает дальнейшее развитие. Теперь с окончательным переходом военных действий на море, что требовало больших денежных расходов, были установлены регулярные денежные взносы. Все союзники были разделены на две группы. Часть из них поставля-

⁴⁸ Dio d., XII, 27,4; Plut., Pericl. 25, 1.

⁴⁹ IG, I², 10, 1,23—24: ἐὼς ἀπὸ στέρμα καὶ Ἀθηναίων καὶ πολλοὺς ἐν ἑαυτοῖς συμμάχων Ἀθηναίων.

⁵⁰ J. P. Barron, Milesian Politics and Athenian Propaganda c. 460—440, JHS, 82, 1962, стр. 1 сл.

⁵¹ ATL, I, стр. 446.

⁵² Larsen, ук. соч., стр. 192 сл.; ATL, III, стр. 139.

ла суда, остальные вносили деньги в общую казну союза⁵³. Х. Мейер⁵⁴ считает, что вопрос о занесении данного союзника в ту или другую группу всецело зависел от решения Афин. При этом право поставлять суда, по его мнению, было большой привилегией и ее получили главным образом островные общины, наиболее способствовавшие в переходе гегемонии к Афинам, т. е. Хиос, Лесбос и Самос. Из остальных же союзников, как считает Х. Мейер, суда поставляли только Наксос и Фасос. Мнение Х. Мейера хорошо понятно в связи с его теорией изначального господствующего положения Афин в союзе. Однако оно плохо согласуется с источниками.

Во-первых, у нас нет твердой уверенности, что инициатором установления регулярных денежных взносов были Афины. Так, Плутарх (Arist. 24,1) указывает, что инициатива в данном случае исходила со стороны самих союзников, желавших упорядоченного взимания денег. Во-вторых, даже если инициатива исходила от Афин, они должны были считаться с пожеланиями союзников. О том, что вопрос о вхождении в ту или другую группу решался самими союзниками, позволяет нам говорить следующее замечание Фукидида (I, 99, 3): «Вследствие нерасположения к военной службе, из желания удалиться с родины большинство союзников обложило себя денежными взносами с тем, чтобы вносить приходящиеся на их долю издержки». Приведенное сообщение Фукидида показывает также, что сами союзники отнюдь не считали поставку судов привилегией. В-третьих, если по сравнению с платежом денег поставка судов была привилегией, которую Хиос, Лесбос и Самос получили за помощь Афинам в борьбе за гегемонию в союзе, то непонятно, за какие заслуги получили ее Наксос и Фасос. Наконец, нет никаких оснований считать, что только пять указанных выше островов поставляли суда. Фукидид (I, 99,1), описывая после рассказа об отпадении Наксоса причины последующих отложений союзников, отмечает, что важнейшими из них были «недоимки в уплате форося и отказы в доставке кораблей и войска, если какой город был к тому обязан». После Наксоса из четырех остальных островов до начала Пелопоннесской войны отложились еще Фасос и Самос. Но ни тому, ни другому мы не можем приписать отказ в доставке судов. Причина (или повод) подчинения Самоса уже отмечалась. Столкновение Афин с Фасосом произошло вследствие стремления первых овладеть фасосскими землями на фракийском побережье (Thuc., I, 100, 2). Таким образом, остается предположить, что в поставке судов принимали участие и другие полисы, не названные поименно в источниках⁵⁵. Все это заставляет нас отвергнуть изложенное выше мнение Х. Мейера.

Установление постоянных денежных взносов повлекло за собой учреждение должности эллипотамиев, которые должны были заведовать общей казной и принимать взносы от союзных полисов. Исполнение этих обязанностей союзники поручили афинянам⁵⁶. Местом хранения союзной казны был выбран остров Делос, а первоначальный взнос был определен, как сообщает Фукидид (I, 96,2), в 460 талантов⁵⁷. Этим исчерпываются наши сведения об организационных основах и конституции афинского морского союза.

⁵³ Thuc., I, 96,1: ἑταῖροι ἄς τε εἶσι παρέχειν τῶν πόλεων χρήματα πρὸς τὸν βάρβαρον καὶ ἄς ναῦς. Далее Фукидид пишет: πρόσχημα γὰρ ἦν ἀμύεσθαι ὃν ἐπὶ τὸν δεῖον φ. Г. Мищенко («Предлогом к образованию такого союза было намерение...») не точен и может привести к неправильному выводу об образовании в 478/7 г. до н. э. нового союза. Перевод должен быть следующим: «Предлогом для этих поставок было намерение...». См. АТЛ, III, стр. 236.

⁵⁴ Meyer, ук. соч., стр. 440.

⁵⁵ Участие в поставке судов Эретрии, Халкиды, Потидеи и ряда других городов довольно убедительно доказано в работе Уэста (A. B. West, The Tribute Lists and the Non-tributary Members of the Delian League, AHR, 35, 1930, стр. 267—275).

⁵⁶ Thuc., I, 96,2. Утверждение эллипотамиев в должности, по-видимому, происходило все же на союзном совете. См. A. G. Woodhead, The Institution of Hellenotamiae, JHS, 79, 1959, стр. 149.

⁵⁷ О дискуссии вокруг достоверности данной цифры см. M. Chambers, Four Hundred Sixty Talents, «Classical Philology», 53, 1958, стр. 26—30.

Рассмотренные до сих пор материалы показывают, что с переходом гегемонии в эллинском союзе к Афинам никаких преобразований в устройстве союза, приведших к изменению правового статуса его членов, не происходит. Афины унаследовали от Спарты в качестве гегемона прежнюю организацию, представляющую союз автономных и равноправных полисов. Выяснив это, мы можем перейти к анализу второго положения, выводимого Х. Мейером на основе рассматриваемого текста Аристотеля.

Обратимся снова к организации эллинского союза до перехода в нем гегемонии к Афинам. Как Геродот, так и Фукидид, являющиеся нашими основными источниками, обозначают членов эллинского союза как *συμμέτοισι*, *ἑταίροις* ⁵⁸. Одно это обозначение само по себе предполагает, что все участники эллинского союза были взаимно связаны клятвами на верность. Этот вывод подтверждает рассказ Геродота (VII, 145,1) об основании союза. Заключение союза он описывает словами *ἑδόντων σφίσι λόγον καὶ πιστεῖν*. В данном случае *σφίσι* не может обозначать ничего иного как *σφίσι ἀλλήλων*, т. е. «взаимно», «друг другу» ⁵⁹. Следовательно, эллинский союз представлял по форме своей организации нечто новое по сравнению с другими союзами, в которых взаимными обязательствами были связаны только два партнера. Так, в Пелопоннеском союзе каждый из его членов был связан союзными обязательствами только со Спартой ⁶⁰.

Все изложенное выше позволяет сделать вывод, что отмеченная структура организации эллинского союза была характерна и для афинского морского союза. Еще около 453 г. до н. э. Эрифры клянутся не отпадать не только от Афин, но и их союзников ⁶¹. Такая формулировка клятвы должна предполагать, что указанный полис становится в союзные отношения со всеми городами Делосской симмахии.

Анализ третьего положения, выводимого современными учеными на основе рассматриваемого места «Афинской политики» Аристотеля, как уже отмечалось, связан с определением цели, стоявшей перед афинским морским союзом: освобождение греков из-под власти персов и предотвращение их возможного нового наступления. С переходом в нем гегемонии к Афинам цели и задачи его не изменились ⁶². Фукидид (I, 96,1) отмечает, что поставляемые союзниками суда и деньги предназначались для борьбы с варварами. Сиракузянин Гермократ, выступая на собрании греков в Камарине, указывал, что афиняне приняли гегемонию для мщения персам и освобождения эллинов (Thuc., VI, 76, 3—4). В таком случае использование Афинами военных сил союзников в борьбе с другими греческими полисами было нарушением союзных обязательств. И именно поэтому митилиеняне могли оправдывать свое отпадение от Афин тем, что они были в союзе с ними для освобождения эллинов от персов, а не для их порабощения. Целевая направленность Делосской симмахии делает невозможным появление в клятвах Аристиды и ионийцев формулы *τὸν αὐτὸν ἐχθρὸν εἶναι καὶ φίλον* со всеми вытекающими из нее последствиями. У Фукидида (I, 44,1) эта формула появляется впервые при описании переговоров между Афинами и Керкирой в 434 г. до н. э. В эпиграфических документах мы встречаем ее только с 423 г. до н. э. в афинском декрете о союзе с македонским царем Пердиккой ⁶³. Таким образом, указанная формула отмечена в союзных договорах значительно позднее 478/7 г. до н. э. и, что самое главное, при заключении таких

⁵⁸ Herod., VII, 148,1; Thuc., II, 72,1; III, 63,3; 64,2—3.

⁵⁹ Wüst, ук. соч., стр. 153.

⁶⁰ K. W i c k e r t, Der peloponnesische Bund von seiner Entstehung bis zum Ende des archidamischen Krieges, Diss., Erlangen, 1961, стр. 32.

⁶¹ IG, I², 10, 1.23—24.

⁶² Р. Сили (R. Sealey, The Origin of the Delian League, «Ancient Society and Institutions», Studies presented to V. Ehrenberg, Oxf., 1966, стр. 237 слл.) на основании рассказа Фукидида в I, 96,1 пытается доказать, что афинский морской союз был создан в пиратских целях, для ограбления владений персидского царя. Это утверждение не может быть принято нами уже потому, что источники не дают оснований для вывода об организации в 478/7 г. нового союза. Кроме того, Фукидид говорит здесь не о целях и задачах афинского морского союза, а о предлоге для изменения финансовой системы союза.

⁶³ IG, I², 71.

союзов, которые не были направлены против одного определенного врага. Все это заставило некоторых ученых, как мы уже отмечали, наряду с указанной формулой отвергнуть достоверность и всего отрывка «Афинской политики» Аристотеля. Может быть, в обращении с данным пассажем не следует заходить так далеко. Возможно, в данном случае прав Вюст⁶⁴, утверждая, что эта позднее распространенная формула была механически перенесена Аристотелем на клятвы союзниками в 478/7 г. до н. э., и в то же время признавая достоверность принятия союзниками в этом году определенных клятв. Действительно, о принесении Аристидом и ионийцами клятв с той же деталью опускания тяжестей в море сообщает и Плутарх⁶⁵. Но никакой формулы клятвы он не приводит. Однако даже если Вюст прав, сам по себе факт принятия Аристидом и ионийцами клятв еще не может говорить о возникновении в 478/7 г. до н. э. нового союза. Он может быть объяснен следующим образом.

Во-первых, союзники, передавая гегемонию афинянам, могли потребовать от них соблюдения определенных условий (вспомним поведение Павсания!), в чем и поклялся со стороны афинян Аристид. В этом плане интересно следующее после рассказа об обмене клятвами замечание Плутарха (Arist. 25,1) об Аристиде: «когда обстоятельства потребовали власти более твердой, он просил афинян поступать так, как они находят полезным, возложив всю ответственность клятвы на него».

Вполне возможно, что еще Плутарху были известны определенные условия передачи союзниками гегемонии афинам, за соблюдение которых поручился Аристид.

Во-вторых, сами афиняне, боясь перехода союзников на сторону Спарты, могли потребовать от них клятвы в вечной верности себе как гегемону. Вспомним в связи с этим рассказ Плутарха (Arist. 23,5): когда союзники стали просить афинян принять гегемонию, Аристид ответил им, что «они его убедили, что просьба их справедлива, но если они желают приобрести его доверие, нужно отважиться на такой поступок, который не дал бы толпе впоследствии передумать еще раз». Далее Плутарх сообщает, что, исполняя требование Аристиды, самосец Улиад и хиосец Аитагор напали на триеру Павсания. Возможно, рассказ о нападении на триеру спартанского регента — анекдот⁶⁶, но несомненно, то, что Афины боялись соперничества Спарты и стремились заручиться гарантиями верности со стороны союзников. Таково возможное объяснение обмена клятвами между Аристидом и ионийцами.

Таким образом, рассматриваемый отрывок «Афинской политики» Аристотеля не может служить доказательством организации в 478/7 г. до н. э. нового союза. Отметим еще раз, что сам же Аристотель выше говорит лишь о захвате Афинами морской гегемонии в эллинском союзе⁶⁷.

А. Е. Паршиков

ARISTOTLE AND THE ORGANISATION OF THE FIRST ATHENIAN MARITIME CONFEDERACY

by A. Ye. Parshikov

Aristotle's account (*Ath. pol.* XXIII 5) of the oaths exchanged by the Ionians and Aristides cannot be taken as proof that a new alliance was formed in 478/7 B. C. The First Athenian Maritime Confederacy was in fact the former Hellenic alliance, maritime hegemony over which passed from Sparta to Athens. All its members were at first autonomous and equal. All of them were bound to one another by ties of alliance. The formula given by Aristotle of the oath sworn by the Ionians and Aristides is not authentic, since it contradicts the aim of the alliance.

⁶⁴ Wüst, ук. соч., стр. 150.

⁶⁵ Plut., Arist. 25,1. В случае признания достоверности этих клятв указания Аристотеля и Плутарха об опускании тяжестей в море могут служить надежным свидетельством о постоянном характере афинского морского союза.

⁶⁶ Так считал Г. Бузоль (ук. соч., стр. 32 сл., прим. 1). Однако Э. Мейер (ук. соч., стр. 458) признавал достоверность этого сообщения Плутарха.

⁶⁷ Arist., *Ath. pol.* 23,2: συνέβη γὰρ αὐτοῖς περὶ τὸν χρόνον τούτων...καὶ τὴν τῆς θηλατίας ἡγεμονίαν λαβεῖν, ἀπόντων τῶν Λακεδαιμονίων.

ГОРГИППИЯ В ПЕРИОД СПАРТОКИДОВ

Город, носящий имя Горгиппа — сына боспорского царя Сатира¹, долгое время был известен в науке лишь по письменным свидетельствам древних авторов. Самое раннее упоминание о Горгиппии встречается у Страбона. Страбон сообщает, что в Синдикке недалеко от моря находится Горгиппия — царская столица синдов (*ἔστι δὲ καὶ Γοργίππεια ἐν τῇ Σινδικῇ, τὸ βασιλεῖον τῶν Σινδῶν πλησίον θαλάττης*), что между Фанагорией и Горгиппией живут аспургяне и за Синдикой и Горгиппией (*μετὰ δὲ τῇ Σινδικῇ καὶ τῇ Γοργίππειᾳ*) начинается гористое побережье, почти лишенное гаваней². В географическом словаре Стефана Византийского сообщается, что Горгиппия — это город в Синдикке (*Γοργίππεια πόλις Σινδικῆς*), а Синдик (*Σίνδικος*) — город с гаванью, смежный со Скифией. Некоторые называют его Горгиппией³. У других авторов Горгиппия не упоминается, но город Синдик, с которым ее отождествляет Стефан Византийский, был известен Геродоту под именем Синдикки (*ἡ Σινδική*), находившейся на побережье Понта Евксинского⁴. Синдику упоминает Арриан⁵. По-видимому, этот же город Элий Геродиан называет *Σίνδικος* и, следуя, вероятно, тому же источнику, что и Стефан Византийский, считает его смежным со Скифией⁶. У Помпония Мелы, пользовавшегося сочинениями Гекатея Милетского и других греческих писателей VI и V вв. до н. э., упомянут город Синд, находившийся в области синдонов и основанный самими земледельцами (*Sindos in Sindonum ab ipsis terrarum cultoribus condita est*)⁷, по-видимому, самими синдами. Страбону, сообщившему нам о Горгиппии, был известен также и населенный пункт Синдик⁸, который он упоминает рядом с Горгиппией (XI, 2, 12) и отдельно как центр земледельческой территории (VII, 4, 6). Автор перипла V века отождествляет Синдику с Синдской гаванью — городом, известным по сочинениям ряда других писателей. Он сообщает также, что в его время этот город стал называться Эвдуеаной по имени живущего там народа, который говорит на готском языке⁹. Отождествление Синдикки то с Горгиппией, то с Синдской гаванью встречается только у раннесредневековых писателей — Стефана Византийского и Псевдо-Арриана. Можно предположить, что в их время ни Горгиппии, ни города Синдикки, о котором писал Геродот, уже не существовало. Стремясь локализовать названия городов, известных им из сочинений древнегреческих географов, они и отождествляли эти города либо друг с другом, либо с одним из современных им городов. Птолемей не поместил на своей карте Горгиппии, как впрочем, и многих других городов Азиатского Боспора, известных нам по свидетельствам древних авторов, как например, Кены и Патрасий, или по археологическим раскопкам. Однако он помещает там Синдскую гавань и на некотором расстоянии от нее располагает деревню Синду (*Σίνδω καὶ πόλιν*)¹⁰, название которой напоминает нам Синдику (*ἡ Σινδική*) Геродота, Страбона и Арриана, а также Синд (*Sindos*) Помпония Мелы и Синдик Геродиана (*Σίνδικος*) и Стефана Византийского (*Σίνδικος*). Название города Синдская гавань (*Σινδικὴς λιμῆν*) впервые встречается в перипле второй половины IV в. до н. э., приписываемом Скилаку Карпандскому. Автор перипла считает ее эллинским городом¹⁰. В анонимном землеописании, приписываемом Скимну Хиосскому, упоминается «Синдская гавань, населенная эллинами, пришедшими из ближних обла-

¹ Динарх в речи 324 г. до н. э. называет Горгиппа тираном, пославшим Демосфену пшеницу, за что тот предложил поставить ему в Афинах медную статую (D i n., c. Dem. 43); Полиен называет Горгиппа сыном боспорского царя Сатира (P o l y a e n., Strat. VIII, 55); сохранилась надпись дочери Горгиппа Комосарии, жены Перисада I (IOSPE, II, 346).

² S t r a b o., XI, 2, 10—12 = SC, I, стр. 132—135.

³ S t. B y z., Σίνδικος = SC, I, стр. 266.

⁴ H e r o d., IV, 86.

⁵ A r r., 29 = SC, I, стр. 224.

⁶ H e r o d i a n., 152, 8.

⁷ P o m p. M e l a., 111 = SC, II, стр. 118.

⁸ P s.-A r r., 62 (21) = SC, I, стр. 279.

⁹ C l. P t o l., V, 8, 8.

¹⁰ P s.-S c y l a c., Per. 72—73.